

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10 000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конф. – Челябинск: Чел. ун-т, 1995. – С. 165 – 170.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. – Челябинск: Чел. ун-т, 1999. – С. 66 – 103.

Логвин В.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита – энеолита: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 40 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 328 с.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 24 с.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. ун-та, 2003. – 208 с.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища эпохи камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1993. – 211 с.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Приоболжья // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. – С. 159 – 172.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962. – Т. 1. – С. 18 – 24.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 20 с.

Чаиркина Н.М. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – № 4. – С. 26 – 39.

Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. – С. 183 – 188.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 182 с.

Материал поступил в редколлегию 20.01.04 г.

УДК 903.01

В.В. Бобров¹, Н.Ю. Кунгурова²¹Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия

E-mail: bobrov@kemsu.ru

²НПЦ "Наследие"

ул. Ползунова, 39, Барнаул, 656043, Россия

E-mail: Huklop@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ГРУПП ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА С ПОСЕЛЕНИЯ ТАНАЙ-4а*

Введение

В III тыс. до н.э. в северных предгорьях Алтая и Салаирского кряжа (Кузнецкая котловина) существовала большемысская культура. Ее памятники распространены в лесостепной зоне Верхнего Приобья, долинах Бии и Катунь [Кирюшин, 2002]. Наиболее крупное большемыское поселение Танай-4а было полностью исследовано на берегу оз. Танай в Кузнецкой котловине (Тогучинский р-н Новосибирской обл.) [Бобров, 1996, 1999]. Его площадь 4 тыс. м². Культурный слой содержал материалы от эпохи неолита – энеолита до раннего средневековья. Но более существенным для решения проблем переходного периода от каменного века к эпохе палеометалла явилось то, что на поселении были исследованы 44 жилища и хозяйственные постройки, значительное количество ям, три клада орудий и сырья для производства костяных изделий. Жилища не были нарушены в периоды более позднего освоения территории памятника, и предметные комплексы из них относятся только к одному времени и одной культуре. Они представлены значительными сериями керамических, каменных, костяных и роговых изделий, которые дают информацию о материальной культуре населения середины III тыс. до н.э. По всем археологическим признакам, особенно керамике и ее

орнаментации, коллекция из жилищ относится к большемысской культуре, выделенной Ю.Ф. Кирюшиным [1986].

В жилищах и на межжилищном пространстве найдено несколько сотен каменных орудий, качественные характеристики которых позволяют выделять технико-морфологические группы. Они довольно устойчивы и выдержаны в единых технологических традициях. Большое количество найденных предметов требует специального исследования на уровне как археологической интерпретации, так и определения их функционального назначения. Но в коллекции представлены изделия, ранее не известные в материальной культуре не только эпохи энеолита, а также орудия, не типичные для Западной Сибири, в частности, когтевидные долотца, ареал которых связан с северо-западными районами Европы. Именно это явилось основанием для проведения трасологического анализа и публикации его результатов.

На предварительном уровне выделены типологические группы каменного инвентаря, основная часть которого изготовлена из отщепов (изделий из пластин в 10 раз меньше) [Бобров, 1999]. Ведущими типами являются скребки, топоры-гесла, ножи, наконечники стрел и дротиков, копий, точильные бруски. Обращают на себя внимание шлифованные ножи и когтевидные долотца. Среди костяных изделий типолого-морфологические группы не выражены. Можно выделить только наиболее распространенные образцы орудий и бытовых предметов: "вилки" с двумя ос-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 02-01-00102а.

триями, орнаменты, основы с пазами, нож с вкладышами, наконечники гарпунов с одним рядом зубцов и упором в основании, игольники из трубчатых костей [Там же].

Техника изготовления и стереотип, заложенный в формы каждой группы вещей, тесно связаны с функциональным назначением. Поэтому наиболее характерные предметы каждого ведущего типа были нами изучены комплексным методом анализа [Коробкова, 1987, с. 22], который включает выявление микро- и макропризнаков сработанности орудий и определение характера оформления рабочего участка (заточка, конфигурация лезвия).

Каменные изделия

Скребки. Они изготовлены из отщепов и реже – плиток сланца или сливного песчаника. Ведущим типом скребков на отщепах являются концевые языковидные. Рабочий край у большей части изделий высокий, размеры – крупные и мелкие. На основе трасологического анализа выделен особый тип скребков – концевые тесловидные. Техника оформления рабочего края и рукояточной части однообразна для всех: ретуширование с двух сторон. Дорсальная сторона отщепа многих языковидных скребков, оформленная ретушью, являлась вентральной стороной заготовки орудия (рис. 1, 1 – 7). Проксимальная часть с ударным бугорком, как наиболее массивная, приспособлялась в качестве рабочей – скребковой. Со стороны ударного бугорка, где отщеп наиболее толстый и широкий, наносилась ретушь. В качестве рукояти использовалась зауженная под углом часть отщепа. Чтобы ее края не были острыми, их ретушировали с двух сторон. В результате рабочий край получался вогнутым со стороны брюшка и высоким (от 45° до 80°). При оформлении использовалась ретушь, оставляющая крупные узкие параллельные фасетки. Микроизнос на орудиях хорошо выражен и соответствует признакам износа на скребках [Семёнов, 1957, с. 107 – 115; Семёнов, Коробкова, 1983]. Он наблюдается на концевой кромке орудия с наибольшим смещением вправо. Средняя интенсивность износа не свидетельствует о грубой структуре обрабатываемого сырья или об абразивной добавке [Кунгурова, 1997].

Скребки из плиток в основном изготовлены по тем же принципам, что и языковидные скребки (рис. 1, 9 – 11, 14). По признакам преимущественного износа они концевые. Ретушью оформлен овальный рабочий край и рукояточная часть с двух сторон. У некоторых орудий было два рабочих края, расположенных на противоположных концах. Боковые грани подработаны фрагментарно либо регулярной рету-

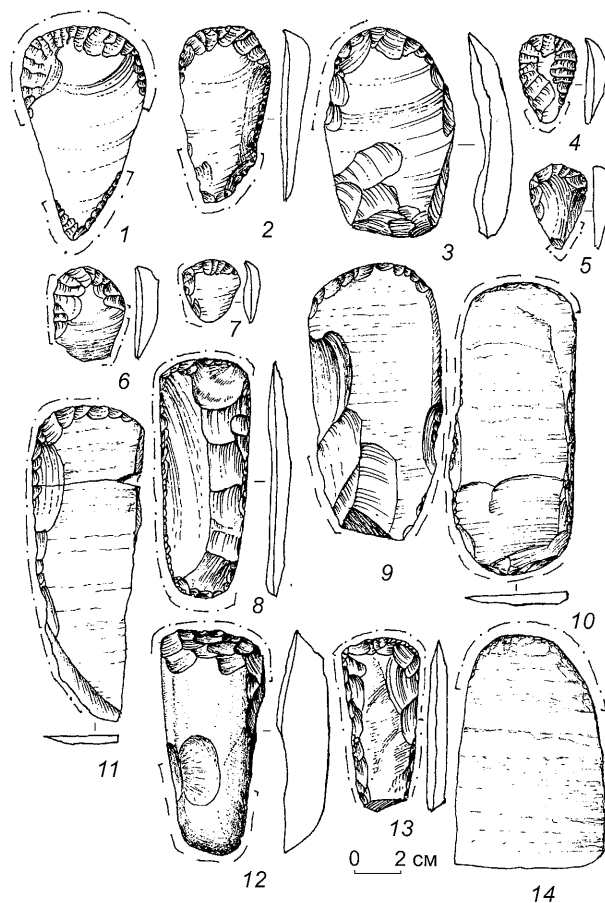

Рис. 1. Скребки с поселения Танай-4а. Пунктиром с точками обозначена часть орудия с двухсторонней ретушью, пунктиром – с ретушью, нанесенной с одной стороны.

шью. Как и у языковидных скребков, форма рабочего края овальная. Износ на скребках хорошо выражен в виде заполированности, скругленности кромки, а также поперечных тонких царапин, распространенных по всей длине заполированного участка.

В группу скребков включены изделия, изготовленные из тесел-топориков. Типологически они были первоначально выделены как тесла (рис. 1, 8, 12, 13). Использование в качестве скребков установлено трасологическим методом. Длина изделий в 3 раза превышала их ширину. Предметы двусторонне ретушированы в области рабочего края и рукояти. Поверхность одного тесла из жилища № 19 зашлифована, однако рабочий край был сильно забит и стал непригоден для рубящих и тешущих операций, его оббили под тупым углом и использовали орудие в качестве скребка (рис. 1, 9). Еще один скребок, по форме напоминающий языковидный, близок к когтевидным долотцам (рис. 2, 10). Плоскости его от боковых краев обработаны встречной двусторонней ретушью, а рабочего лезвия зашлифованы. В профиль рабочее

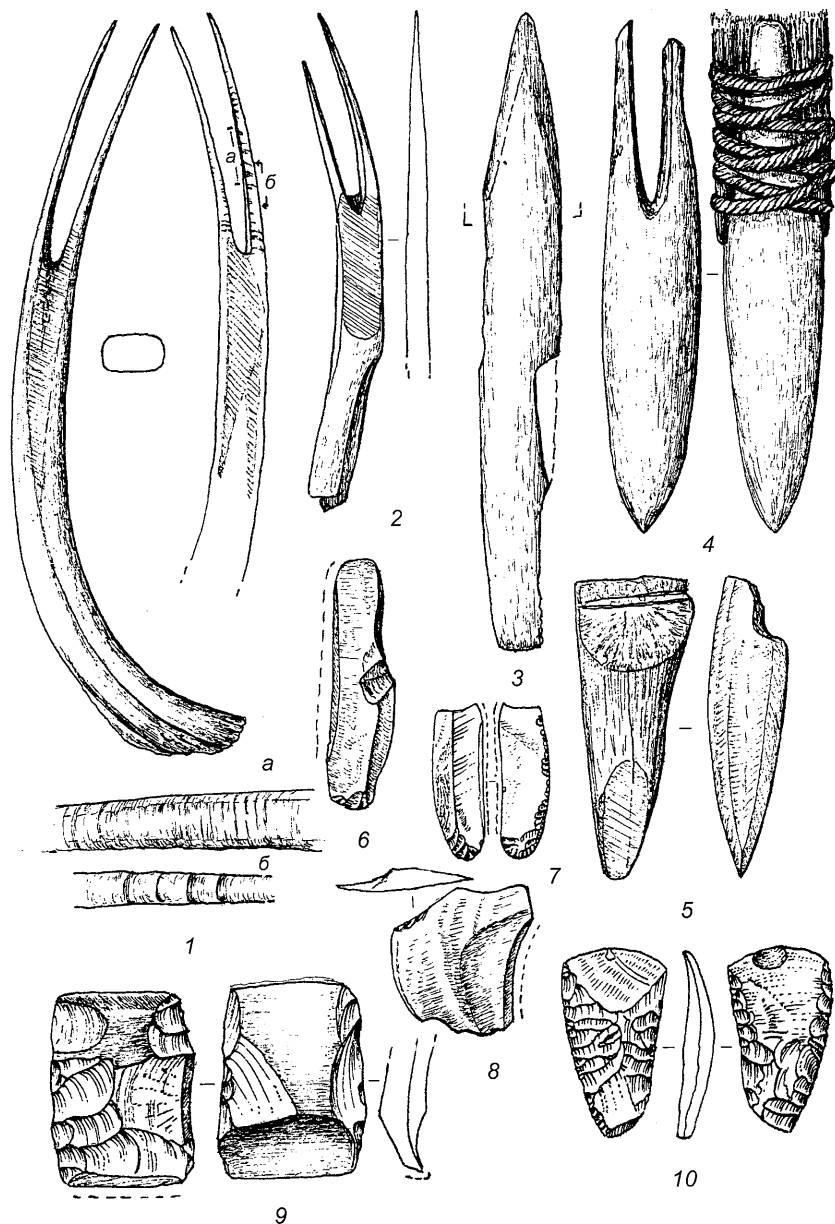

Рис. 2. Костяные (1 – 5) и каменные (6 – 10) предметы с поселения Танай-4а.

1, 2 – “вилки” (а, б – бинокулярное увеличение рабочих краев); 3 – шпатель; 4 – отбойник и реконструкция закрепления в рукоять; 5 – острие; 6–8 – шлифованные ножи; 9 – когтевидное долото; 10 – скребок со шлифованным лезвием.

лезвие изогнуто, как у когтевидных долот. Признаки сработанности рабочего края характерны для функционального износа скребков.

Ножи. Под бинокулярным микроскопом были исследованы остроконечники, некоторые из них типологически интерпретированы как наконечники дротиков. В жилище № 29 обнаружено скопление коротких ножей листовидной формы одинаковых пропорций – 8×4 см. Они изготовлены из отщепов (рис. 3). Узкий проксимальный конец с ударным бугорком очень тща-

тельно оформлен встречной ретушью. Широкий дистальный конец уплощен продольным широким сколом. Все изделия двусторонне обработаны, края дополнительно приострены регулярной ретушью. Макро- и микропризнаки износа, технология оформления ножей указывают на то, что они изначально предназначались для разделки туш животных. У части этих орудий кромки лезвий были интенсивно сработаны: наблюдается мельчайшая двусторонняя утилитарная ретушь со специфическим для таких ножей распро-

странением, фиксируются участки с затертой рельефностью по кромочной полосе. У одного изделия выделяется заостренный конец и короткая рукояточная часть. В ходе изучения следов сработанности на орудиях из могильника Старое Мусульманское кладбище [Кирюшин, Кунгурова, 1996] была выделена функциональная группа ножей для разделки мяса. Их технико-морфологические типы близки таковым на поселении Танай-4а. В коллекциях обоих памятников присутствуют листовидные ножи крупных размеров и листовидные асимметричные с намеченной рукояточной частью. При этом в отличие от погребений на поселении распространены короткие ножи листовидной формы с зауженной проксимальной частью (рис. 3, 1 – 4).

Кроме устойчивых форм орудий для разделки мяса, на поселении присутствуют ножи с коротким рабочим краем. Их функция несколько иная: это резаки для разрезания грубого материала, которым могла быть кожа либо мездра. Один такой нож (из жилища № 31) имел овальный тонкий край, ретушированный с двух сторон (рис. 3, 7). У другого (из жилища № 39) аналогично ретушированный с двух сторон край был предназначен для операции разрезания, а край без ретуши использовался в качестве скребка (рис. 3, 6).

Шлифованные ножи. Они относятся к самостоятельному типу и отдельной функциональной категории. Эти орудия существенно отличаются от ножей для разделки мяса. Одни из них изготовлены из пластин и пластинчатых отщепов, другие – из отщепов. Трасологическому анализу были подвергнуты три ножа: два из жилища № 28 (см. рис. 2, 6, 7) и один из жилища № 8 (см. рис. 2, 8). Первые два имеют одинаковые пропорции. Один сделан из пластины, а другой из пластинчатого отщепа. У обоих овальные концы ретушированы с двух сторон, но у ножа на пластинчатом отщепа, кроме того, обушковый край подправлен приостряющей мелкой ретушью. Плоскости с двух сторон зашлифованы до блеска. Рабочими служили вогнутые края. Вдоль кромки проходит полоса шлифовки. Проксимальный рукояточный конец ретуширован.

Эти ножи использовались в качестве резаков по бересте. Ранее одним из авторов проводились экспериментальные исследования по раскройке бересты. Микропризнаки износа, аналогичные выявленным, были обнаружены на шлифованных ножах [Кунгурова, 1993]. Оба экземпляра из жилища № 28 имели характерные признаки. Вдоль всей вогнутой кромки фиксировались мелкие неравномерные выщербинки и тонкая матовая полоса с продольными очень тонкими рисками, образовавшаяся в результате периодического подшлифовывания лезвия с одной стороны с целью его заострения.

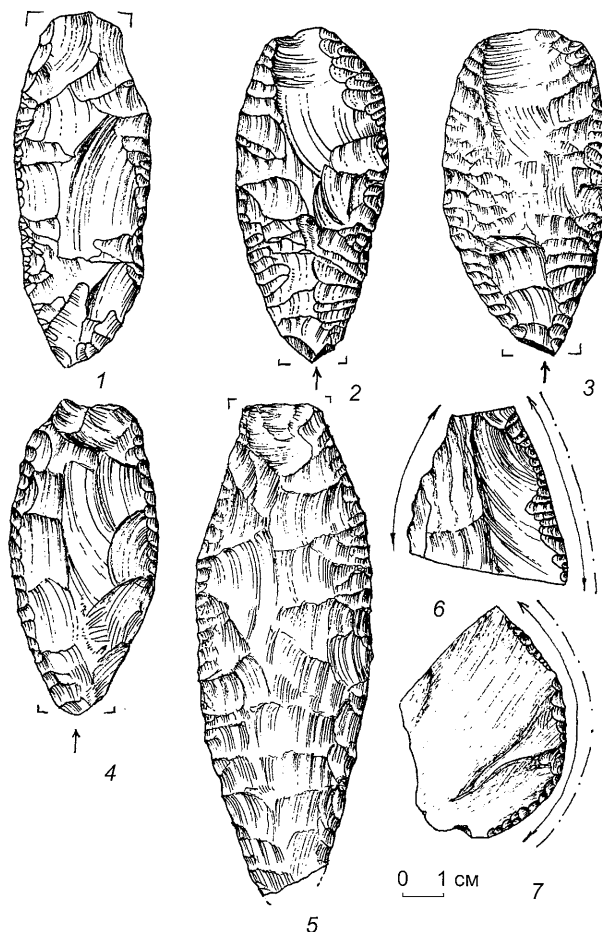

Рис. 3. Ножи с поселения Танай-4а.

Линией со стрелками обозначены рабочие лезвия на орудиях, пунктиром с точками – край с двухсторонней ретушью.

Нож из жилища № 8 широкий и короткий, на его вогнутом рабочем крае с одной стороны выражена полоса шлифовки (см. рис. 2, 8). Вся поверхность орудия с двух сторон шлифованная. Признаки износа указывают на использование орудия в качестве стружка по дереву.

Рубяще-тешущие орудия. На поселении они встречаются в большом количестве (ок. 90 экз.). Несмотря на различия операций по обработке дерева, все орудия близки по форме и технологии изготовления (рис. 4). При оформлении их поверхности применяли технику оббивки и шлифования. Рабочие края изделий, как правило, прямые, чуть вогнутые в плане. Топорики из жилища № 16 имеют следы сработанности на обеих плоскостях рабочего края (рис. 4, 1), углы которого отколоты. На этих участках видны фасетки сколов. На орудиях отчетливо выражены характерные признаки их использования для рубки и затысывания дерева – царапины различной интенсивности и длины, отдельные мелкие фасетки сколов. Один топорик маленький, всего 5 см длиной.

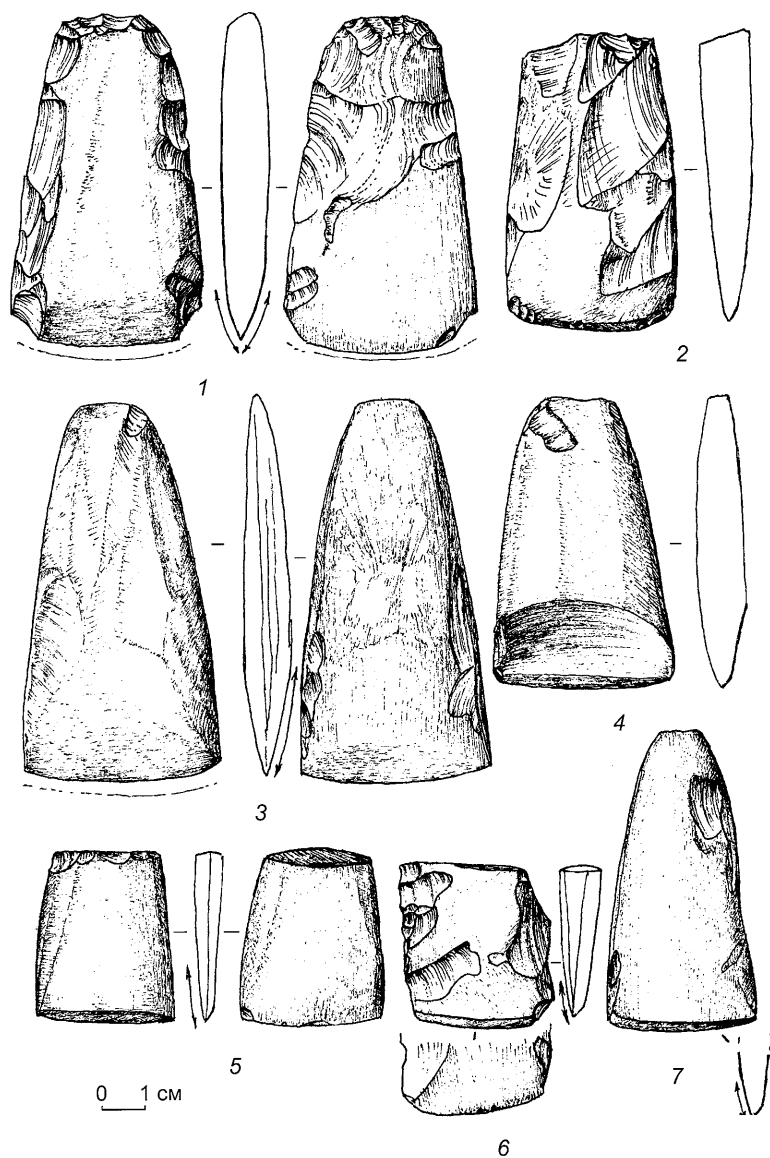

Рис. 4. Рубяще-тешущие орудия с поселения Танай-4а. Линией со стрелками обозначена рабочая плоскость орудия.

Среди тесел встречаются инструменты комплексного действия, т.е. совмещающие функции тесания и вырубания. Тесла, как правило, немного скошены в профиле и наиболее сработаны по одной плоскости. По оформлению рабочей части они разделяются на три типа. Первый характеризуется тем, что его плоскости ровные, шлифованные, симметричны друг другу и образуют угол $30 - 40^\circ$ (рис. 4, 1, 3).

Второй тип тесел по оформлению лезвия близок первому (шлифовкой образованы две ровные плоскости, в профиле симметрично сходящиеся под тем же углом), но отличается односторонней скошенностью края за счет полосы пришлифовки, образующей плоскость упора, расположенную под углом в $60 - 80^\circ$

к смежной плоскости (рис. 4, 2, 5 - 7). Эта последняя является рабочей, она должна была плотно контактировать с затесываемой деревянной поверхностью. Среди данных орудий встречены короткие экземпляры, которые отличаются от остальных иной конструкцией крепления в рукоять либо какую-то деревянную основу (рис. 4, 5, 6).

Третий тип тесел характеризуется тем, что одна сторона рабочей части орудия вогнутая (рис. 4, 4). Судя по признакам микроизноса, рабочей плоскостью является полоса пришлифовки, расположенная с вогнутой стороны орудия под углом 80° к смежной плоскости.

Среди деревообрабатывающих инструментов в жилище № 2 найдена длинная шлифованная ста-

меска с дугообразным узким лезвием. Ее размеры $12,5 \times 2,2 \times 1,4$ см. С одной стороны плоскость рабочего участка немного вогнута. На кромке имеются мелкие выбоинки.

Когтевидные долотца. Они типичны для неолита Финляндии, известны в Прибалтике, Карелии и памятниках каргапольской культуры [Фосс, 1952, с. 186]. На территории Сибири такие орудия единичны. Одно найдено близ г. Томска (хранится в Историческом музее), 7 экз. происходят из памятников екатерининской культуры Среднего Прииртышья [Петров, 1986, с. 9]. В коллекции с поселения Танай-4а пять таких изделий. Они представляют собой бифасы, рабочая часть с одной стороны имеет полосу пришлифовки, образующую угол в 50° со смежной плоскостью, с другой – параллельный лезвию желобчатый участок шириной 1,3 см, полученный продольной шлифовкой (см. рис. 2, 9). Следы износа фиксируются на внешней стороне лезвия – на полосе пришлифовки. Наиболее выражены они на угловых участках. Следы представлены тонкими короткими дугообразными бессистемными царапинами. Кромка лезвия скруглена и не имеет повреждений. Такие следы износа характерны для инструментов, которыми чистят рыбу с крупной чешуей.

На поселении были обнаружены ямы, забитые рыбьей чешуей, но не содержавшие костей рыб. В таком случае можно предположить, что здесь рыбу чистили, чешую и, видимо, внутренности зарывали в ямы, а переработка осуществлялась в другом месте [Бобров, 1999, с. 19].

Костяные изделия

Двузубые “вилки”. На поселении обнаружено шесть целых и обломанных экземпляров [Там же, с. 31]. Инструменты похожи на вилку с двумя зубьями. Они сделаны из ребер животных: на концевой части вырезана выемка параболической формы, а образовавшиеся два зубца заострены. Выпуклые стороны ребер, неровности, острые грани сняты грубым абразивом. При бинокулярном исследовании на остриях обнаружены следы сработанности, наиболее выраженные на внутренней поверхности одного из зубьев и переходящие на его ребро. Следы концентрируются на прилегающей к основанию зубца половине. Даже невооруженным взглядом можно заметить протертые неглубокие выемки, пересекающие ребро острия (см. рис. 2, 1, а, б). Поверхности зубьев заполированы до блеска и покрыты тончайшими царапинами. Распространение следов износа указывает, что концы зубьев особой нагрузки, как, например, у спиц для вязания или плетения, не несут. На них микроследы очень слабые. Подобные признаки износа наиболее харак-

терны для инструментов, связанных с растительными волокнами. На этом же поселении в слое бронзового века найдено костяное зубчатое “трепало” с ручкой. Такие орудия были широко распространены на территории Западной Сибири с эпохи поздней бронзы. Признаки сработанности на инструменте аналогичны следам износа на двузубых “вилках”. На конце рукояти имеется широкая выемка (желобок), перетертая грубыми волокнами. Эта часть орудия использовалась для разминания размягченных стеблей растений и грубых растительных волокон. Зубчатой частью разделяли и протаскивали волокна.

Следы износа на “вилках” совмещают в себе признаки, не только характерные для трепал, но и отмечаемые на кочедыках. Кочедыки – это костяные пластины, используемые в этнографических производствах для разламывания и разминания стеблей растений и отделения тонких волокон [Семёнов, Коробкова, 1983]. Они обычно изнашиваются по одной из плоскостей, преимущественно по грани (экспериментальные образцы Н.Ю. Кунгуровой). Признаки износа на “вилках” указывают на то, что ими разминали, протаскивая между зубцами уже размягченные стебли и волокна, трепали на весу. Только при таких манипуляциях одно из ребер инструмента оказывалось наиболее интенсивно сработанным. В этом случае “вилки” совмещали функции кочедыков и трепал. Подобные этнографические примеры известны в материальной культуре чукчей и эскимосов [Богораз, 1991, рис. 157]. Костяными двузубыми “вилками”, как гребнями, расчесывали траву и сухожилия.

Изделие с острием треугольной формы (см. рис. 2, 3). Рабочий участок находился в области острия. Края его двусторонне заострены. На них фиксируются признаки износа, характерные для шпателей по керамике.

Роговой отбойник (см. рис. 2, 4). Интерес представляет способ крепления в рукояти. В основании отбойника вырезана выемка параболической формы, в которую вставлялась деревянная часть и привязывалась к орудью. На его конце фиксируются выбоины, одна крупная. На сторонах расщеп отмечены нарушенные участки.

Роговое острие. Край его уплощенного конца дугообразной формы. Признаки микроизноса не выявлены. Однако изделие было оформлено, как и все остальные каменные и костяные предметы, с помощью шлифовки грубым абразивным напильником либо на абразивной плитке. Стачивались округлости, неровности поверхности, уплощалось тело предмета и его рабочие плоскости.

Абразивы на поселении найдены в большом количестве: 34 – в жилищах, 23 – в культурном слое за их пределами. Среди них выделяются бруски (активные инструменты) и абразивно-шлифовальные плит-

ки, на которых обрабатывалась поверхность предметов. Тесла и топорики шлифовались с помощью грубого абразива, их поверхность доводилась мелкоструктурными абразивами. На плоскостях предметов, особенно боковых сторонах, прослеживается продольная огранка. Эта же техника была перенесена на производство изделий из кости (см. рис. 2, 1, 2, 5).

Выводы

Анализ ведущих типов орудий эпохи энеолита с поселения Танай-4а позволяет сделать следующие выводы. Для разделки туш животных, очистки кожи и ее раскроя использовались короткие ножи с двусторонней обработкой. Инструменты для дальнейшей выделки замши существовали, но они, скорее всего, остались в неисследованной части коллекции. Население, обитавшее на поселении Танай-4а, практиковало резку бересты для изготовления настилов и покрытий, домашней утвари. Ножи по бересте хорошо представлены в лесостепных районах, где присутствуют породы деревьев (береза, осина), кора которых использовалась в хозяйстве. Этнографические аналогии в культуре северных алтайцев, а также данные археологии подтверждают эти наблюдения [Потапов, 1935, с. 108; Кунгурова, 1993].

О развитии деревообработки свидетельствуют широко представленные различные варианты рубяще-тешущих инструментов, которыми можно было подрубать и тесать, выдалбливать и подрезать, изготавливая всевозможные деревянные предметы обихода с прямыми и вогнутыми плоскостями, а также обрабатывать дерево для строительства жилищ, делать орудия пассивной охоты и др.

Наличие на поселении вильчатых кочедыков, применявшихся для разминания растительных волокон, свидетельствует об изготовлении нитей для тканья, плетения или вязания изделий.

Важным культурным признаком является технология изготовления орудий: принципы выделения рабочего края и участка рукояти, шлифовка поверхности и подшлифовка (заточка) рабочего края. Отмечаются единые принципы обработки разного сырья (камень, кость) с помощью абразивов. Техника стесывания и шлифовки поверхности предметов, большое количество абразивов на поселении указывают на то, что последние широко применялись в хозяйстве. Вопреки распространенному мнению об абразивах как определяющем критерии металлургии, на поселении Танай-4а они использовались для оформления и заточки каменных и костяных орудий.

Стереотипы технологии и формы ведущих категорий инструментария характерны для данной локальной группы населения. Они устойчивы и определяют ос-

новные направления деятельности обитателей Верхнеобского бассейна в середине III тыс. до н.э. Разные локальные группы на территории распространения большемысской культуры объединяет специфика формы и орнаментация керамики. Особенности материалов поселения Танай-4а, выраженные в формах и технике изготовления каменных орудий, отличают его от других известных памятников. Отдельные элементы являются общими для всех комплексов. Так, единичные экземпляры языковидных скребков с двусторонне ретушированным или шлифованным лезвием встречаются на поселениях оз. Иткуль (Верхнее Приобье) и Катунь [Кирюшин, 2002, рис. 118, 13; Кунгурова, 1991, с. 10]. Концевые укороченные скребки с поселений Катунь можно было бы интерпретировать как альтернативное проявление языковидных (конвергентных). Среди них встречаются удлиненные скребки из сланцевых плиток [Кунгурова, 1991, с. 10]. Большое количество рубяще-тешущих орудий, аналогичных по форме и технике изготовления танайским, присутствует в комплексах с оз. Иткуль [Кирюшин, 2002, рис. 23]. В частности, здесь отмечена огранка, характерная для тесел и топорилов с поселения Танай-4а [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 39]. Однако продольная полоса пришлифовки, скашивающая угол лезвия, в этих комплексах не зафиксирована и является особенностью танайских материалов. Изучение технико-морфологических свойств и функционального назначения орудий с поселения Танай-4а позволяет сделать вывод об изготовлении и использовании его обитателями довольно ограниченного количества типов инструментов, которые нами расцениваются как ведущие. Рубяще-тешущие орудия, скребки, ножи, наконечники стрел и гарпунов представляют собой основной набор инструментария, использовавшегося в хозяйственной деятельности. Вне анализа остались орудия охоты и рыболовства (наконечники стрел, дрогиков и гарпунов, стерженьки для крючков, детали прочих приспособлений). Объемной темой исследования являются разновидности сверл, пилок и вкладышевых инструментов. Данная работа освещает лишь часть материальной культуры обитателей поселения Танай-4а. Судить обо всех видах занятий этого населения можно будет только после анализа всего орудийного комплекса.

Список литературы

Бобров В.В. Танай-4а – новый памятник большемысской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 66 – 71.

Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 17 – 35.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1986.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Следы использования на каменных орудиях из могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 5 – 7.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 117 с.

Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л.: Наука, 1987. – 320 с.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куяума // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1991. – С. 3 – 22.

Кунгурова Н.Ю. Шлифованные ножи Верхнего Приобья // Культура народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 30 – 33.

Кунгурова Н.Ю. Признаки сработанности на скребках в изучении технологических традиций // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Ом. ун-т; Ом. фил. Объед. ин-та ист., филол. и филос. СО РАН, 1997. – С. 84 – 87.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1986.

Потапов Л.П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. – М.; Л.: Гос. изд-во экон. лит., 1935. – Т. 1: Материальное производство. – 122 с.

Семёнов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. – (МИА; № 54).

Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит – энеолит. – Л.: Наука, 1983. – 256 с.

Фосс М.Е. Древняя история Севера европейской части СССР. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – (МИА; № 29).

Материал поступил в редколлегию 11.11.03 г.

УДК 903.9.653

Н.Г. Артемьева

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690600, Россия
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru*

БУДДИЙСКИЙ ЖЕЗЛ ИЗ КРАСНОЯРОВСКОГО ГОРОДИЩА*

Археологические исследования на Красноярском городище, расположенном в 5 км к югу от г. Уссурийска в Приморском крае, постоянно приносят интересные находки, которые дают возможность не только идентифицировать его с Верхней столицей чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215 – 1233 гг.), но и выявить связи этого города с другими районами империи [Артемьева, 2003].

Во время раскопок дворцового комплекса на территории внутреннего города обнаружена уникальная находка – жезл, который олицетворял собой буддийский космос (рис. 1, 2). Длина изделия 21,5 см. Изготовлено оно из белой бронзы. Средняя часть жезла представляет собой шестигранный стержень (держатель) длиной 8 см, диаметром ок. 2 см, разделенный на пять зон. Концы жезла оформлены идентично. Держатель заканчивается с обеих сторон изображением головы животного, напоминающего льва, из пасти которого выходит четырехгранный стержень (продолжение шестигранного), а от боков в противоположных направлениях отходят головы рогатых драконов. Из пастей последних вырываются, возможно, пламеобразные отростки в виде дуг, соединяющихся со стержнем, выходящим из пасти льва. Внешне это напоминает натянутый лук со стрелой. Данный жезл является ритуальным буддийским предметом – ваджрой. Слово “ваджра” первоначально употреблялось для обозначения громового скипетра “индийского Зевса” – ведийского бога Индры, в Ведах оно исконно обозначало особое оружие, некогда изготовлявшееся из комля дерева с заост-

ренными и оставленными торчать в разные стороны частями корней. Потом материал сменился, а форма осталась прежней. Буддийская ваджра как ритуальный предмет по форме представляет удвоенный оголовок этого оружия [Торчинов, 2002, с. 32 – 33]. Считается, что ваджра – метательное оружие воинов древней Индии [Синицын, 2001, с. 18]. Подобный жезл вкладывался в руку хранителя буддийских храмовых входов, который с его помощью укрощал и побеждал демонов, оборотней, злых духов, подобно Будде.

Изображения драконов и львов исполнены в агрессивной манере. Они связаны с буддийской символикой: лев является защитником закона и стражем священных храмов, служит средством запугивания демонов [Сидихменов, 1987, с. 206]. На красноярском жезле изображены четыре одинаковые морды льва – по две с каждой стороны. Хорошо проработаны глаза миндалевидной формы с круглыми зрачками, подчеркнутые полуовальными бровями. Двумя продольными полосами выделен нос, переходящий в закругленный кончик. На жезле образ льва занимает главенствующее положение. Его с двух сторон как бы охраняют и одновременно помогают ему драконы. Изображения последних проработаны более детально. Открытые пасти драконов как бы извергают пламя, скулы сильно напряжены. Глаза круглые, выпуклые. Жаберный плавник переходит в шейный и оформлен вертикальными полосками. Такие же полоски с внутренней стороны пасти дракона. На голове приподнятый рог. Образ дракона играл огромную роль в пантеоне буддийских изображений [Чеснов, 1986; Терентьев-Катанский, 1971; Решетов, 1981; Забелина, 1960; Ларичев, 1958, с. 83 – 85; Сычев Л.П., Сычев В.Л., 1975,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-18081е.